

КРАСНОРЕЧИВОЕ МОЛЧАНИЕ

ЗДРАВСТВУЙ, Бип! Здравствуй, дружище! Я очень рад, что снова вижу тебя в Москве. Ты по-прежнему такой же, каким придумал тебя Марсель Марсо. У тебя все такое же белое, словно обсыпанное мукой, лицо, которым ты можешь выразить все, что пожелаешь.

Ты по-прежнему молчалив и красноречив. За весь вечер ты не сказал ни одного слова и вместе с тем рассказал уйму поучительных историй и произнес множество монологов — то уморительных, то грустных. Да и живешь ты, как я посмотрю, по-прежнему. Все так же меняешь профессии, все так же преследуют тебя неудачи, все так же неуютно тебе в мире, как твоему брату, маленькому и великому Шарло или бесмертному Пьеро.

Ты, словно бродячий акробат, который, изнемогая, поднимает тяжелую штангу или, дрожа от страха, идет по канату над пропастью, стараясь сделать при этом веселое лицо. Стоит тебе отправиться путешествовать, сесть в поезд, и на тебя тотчас же обрушиваются тяжелые чемоданы и начинают преследовать тысячи мелких неприятностей. Все смеются над тобой, а ведь ты желаешь людям только добра и каждому хочешь сделать что-нибудь приятное. Ты ведь в душе художник и мечтатель, дружище Бип.

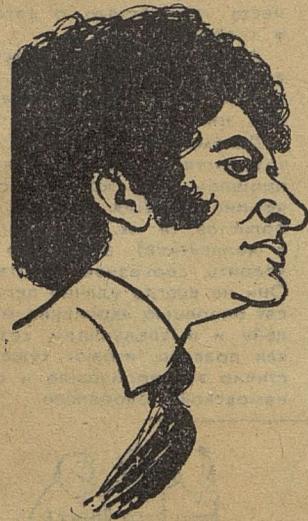
Даже когда тебе пришлось работать расклейщиком афиш, ты и то намазывал стены клеєм и устраивал вернисаж плакатов на улице, как настоящий живописец. Но никто этого не заметил, Бип, ни-

кто не оценил. Что поделаешь, не везет тебе.

Вот ты пришел на бал и тебе так хотелось потанцевать с какой-нибудь славной девчонкой. Но тебе никак не удается найти партнершу по росту. То она огромна, как Гулливер, то мала, как лилипут. А когда наконец ты нашел, что искал, кончилась музыка. Только во сне ты обрел свою избранницу, только во сне ты был счастлив.

И так всегда! В кои-то веки тебя пригласили на светский вечер. Ты натянул на себя воображаемый фрак, ты был так мил со всеми и с таким шиком стоял, облокотившись, у воображаемых стоек. А потом напился, как свинья, и тебя вышвырнули вон со всех воображаемых лестниц.

Впрочем, ты вообще нетвердо стоишь на ногах в жизни, Бип, даже когда ты трезв. И все-таки ты молодчина, Бип! Самое замечательное в тебе — это то, что ты не теряешь надежды и, несмотря на все, понимаешь, что жизнь все-таки неплохая штука! Помнишь, как ты однажды решил покончить с собой из-за несчастной любви. Ты хотел застрелиться и даже уже зажал уши, чтобы не слышать грома выстрела — но не смог. Все-таки это было бы очень шумно. Хотел принять яд, но по ошибке выпил вкусное вино. Хотел повеситься, но порвалась веревка. Решил покончить жизнь ударом кинжала, но неосторожно порезал палец, а это больно. Хотел отравиться газом, но поспешил открыть все окна и с удовольствием

Марсель Марсо.
Рис. И. ШМИДТА.

вдохнул свежий воздух. Да, жизнь отличная штука, черт возьми, за нее стоит побороться!

И ты — маленький, играющий на свирели Давид, — не побоялся вступить в борьбу даже с всемогущим великаном Голиафом и победил его. Это очень многозначительная победа, Бип. И мы так рады, что ты вступил в битву и выиграл ее. Правда, в этот вечер тебе было не так страшно: потому что, по-первых, с тобой было наше дружеское сочувствие и поддержка, а во-вторых, с тобой был Марсель Марсо. Он был не с тобой — это не точно — он был тобой, был Давидом, был Голиафом и еще множеством

других персонажей — этот удивительный «человек с тысячью лиц», наследник и продолжатель народных мимов Франции, мастер «красноречивого молчания». Мгновенно преобразаясь, заменяя отточенным жестом пышные декорации, один, на пустой сцене, балансируя где-то между драматическим театром и танцем, он дал нам возможность побывать и в маленьком парижском кафе, и в суде, где разыгрывалась одна из «ежедневных драм» мира, в котором он живет, и видеть сам этот мир, со всеми его контрастами. В трагическом калейдоскопе сменялись перед нами весело марширующие военные оркестры и нищие слепцы, завсегда таи парижских баров и бездомные влюбленные, солдаты, идущие в атаку, и падающие под пулями, и ораторы, призывающие на митингах покончить с военным безумием. Не было сказано ни одного слова, но голос Марсо, гневный голос протеста и боли, во всю силу звучал в этот вечер.

Вот так-то, дружище Бип. Судьба дала тебе отличного автора, много у него масок, порой он хочет от них избавиться. Ему трудно смеяться, когда хочется плакать. Но твою маску он носит с видимым удовольствием. Но потом он снимает ее, и под белым традиционным гримом актера пантомимы мы видим умное и доброе лицо мужественного человека, острее, социальное и человеческое искусство которого по праву войдет в летопись нашего драматического века.

Мы благодарны и его товарищам по сцене, Пьеру Вори, с такой артистичностью делающему в спектакле Марсо свое скромное дело.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ.